

DOI: [10.17805/ggz.2019.4.2](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.4.2)

**Семиотический подход в биоэтике:
от морального кодекса читателя к этике чистого листа**

О. В. Попова

Институт философии РАН

Целью статьи является исследование возможностей использования эвристических ресурсов семиотики в современном биоэтическом дискурсе. Опираясь на идеи классиков семиотики Ч. С. Пирса, В. леди Уэлби, У. Эко автор обращает внимание на концепт знака как этически релевантного объекта. В процессе исследования демонстрируется необходимость поиска «семантических универсалий» (понятие У. Эко), которые должны были бы обеспечить универсальные соматические (телесные) права человека. По мнению автора, данные универсалии являются фундамирующими для биоэтического дискурса и, в целом, являются необходимыми для перевода динамики науки «в интеллектуальное и моральное русло» (В. Уэлби).

На основе использования результатов исследований отечественных философов (Б. Г. Юдина, П. Д. Тищенко, И. В. Мелик-Гайказян и др.) артикулирован ряд проблем биоэтики, позволяющих оценить релевантность семантического подхода для формирования биоэтического знания. Показано, что языковые игры с именованим и манипулированием знаками, представляющие реализацию лингвистического модуса конструирования человека, зачастую направлены на осуществление тех или иных прагматических биомедицинских целей, которые соответствуют познавательным интенциям ученого, например, связанным с проведением успешного биомедицинского эксперимента. При переходе в рассуждениях о человеке от персонально ориентированного дискурса к дискурсам о «вещах», «артефактах», «объектах опыта» и т. д. дискурсивное пространство может использоваться как инструмент легитимации каких-либо действий по отношению к человеческому существу.

Сделан вывод о том, что среди существующих стратегий толкования человеческого существования (в контексте распространяющихся тенденций генетического и нейронаучного редукционизма) необходимо отстаивать нередукционистскую герменевтику человека и сопряженную с нею «этику чистого листа» (понятие О. В. Поповой).

Ключевые слова: этика семиотики; семантический подход в биоэтике; лингвистическое конструирование человека; этика именованиа; этика чистого листа; биоэтика

**A Semiotic Approach in Bioethics:
From the Reader's Code of Ethics to Clean Slate Ethics**

O. V. Popova

The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

The purpose of the article is to explore the possibilities of using heuristic resources of semiotics in modern bioethical discourse. Relying on the ideas of the classical semioticians Ch. S. Pierce, V. Lady Welby, U. Eco, the author draws attention to the concept of the sign as an ethically relevant object. In the course of the research, it is demonstrated that there is a need to search for "semantic universals" (the concept proposed by U. Eco), which would have ensured universal somatic (bodily) human rights. In the author's view, these universals are the foundation for bioethical discourse and, in general, are necessary "to translate the dynamics of science for mental and moral use" (V. Welby).

Based on the results of research conducted by Russian philosophers (B. G. Yudin, P. D. Tishchenko, I. V. Melik-Gaykazyan and others), a number of bioethical problems have been identified, which allow us to assess the relevance of the semantic approach to the formation of bioethical knowledge. It is shown that language games, which imply naming and manipulation of signs and represent the realization of the linguistic modus operandi of human construction, are often aimed at the implementation of certain pragmatic biomedical goals that correspond to a scientist's cognitive intentions, for example, related to a successful biomedical experiment. When we speculate on the man and pass from a personalized discourse to discourses about "things", "artifacts", "objects of experience", etc., we can use discursive space as a tool to legitimize any actions in relation to the human being.

The author concludes that among the existing strategies for interpreting human existence (in the context of the spreading trends of genetic and neuroscientific reductionism) it is necessary to defend the non-reductionist hermeneutics of the person and the associated "clean slate ethics" (O. V. Popova's concept).

Keywords: ethics of semiotics; semantic approach in bioethics; linguistic construction of the human being; ethics of naming; clean slate ethics; bioethics

ВВЕДЕНИЕ.

ЗНАК КАК ЭТИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНЫЙ ОБЪЕКТ

У. Эко в своем эссе «Когда на сцену приходит другой» справедливо отметил, что некоторые этические проблемы становятся прозрачнее после того, как продуманы некоторые проблемы семантики. В современной прикладной этике и биоэтике как ее, пожалуй, наиболее значимой составляющей семантические исследования проводятся достаточно редко. Как правило, в сознании специалиста в области этики доминирует установка, что проблемы семиотики,

скорее, имеют отношение к логике, эпистемологии или когнитивистике, но лишь косвенно могут иметь отношение к проблемам этики. Во многом такая установка обусловлена представлением о знаке как об этически нейтральном объекте.

В то же время зачастую упускаются из виду другие интерпретации знака, в рамках которых знаки имеют отсылку к ценностям. Здесь знак «спускается» в область человеческих смыслов, в область различимости представлений о сущем и должном, добре и зле, т. е. оказывается погружен в пространство этических категорий. Что касается прикладной этики (биоэтики в том числе) функционирование знаков здесь осуществляется в контексте неизбежной соотносимости с понятиями человеческого достоинства, автономии и прав человека.

В целом, этическим «зарядом» знак был наделен еще основоположником семиотики Ч. С. Пирсом. Менее известными, но не менее актуальными в этой области семиотики являются труды В. леди Уэлби, посвятившей ряд работ исследованию конституции смысла и терминологической этике (этике языка), что позволило рассмотреть их значение в контексте человеческих смыслов, ценностей и значимости. На ее труды ссылался и дискутировал с ними Пирс, и во многом, несмотря на сравнительно редкое упоминание, они могут рассматриваться в качестве классических текстов по теории знаков.

Применительно к нашей теме, важными оказываются идеи В. Уэлби о сопряженности значения с прагматической и этической значимостью. Проблема знака была артикулирована ею в контексте ценностной наполненности человеческой деятельности и оказалась связана с социальным контекстом, в котором пребывает субъект. Границы субъекта как знака также оказываются зыбкими, подвижными, неустойчивыми, зависящими от социальных и культурных детерминант. Термин «значимость», таким образом, отсылает к субъективной оценке, персональному опыту, релевантности знака для данного индивида и поля его деятельности, где проявляются те или иные знаковые системы.

Идеи В. Уэлби оказались чрезвычайно близки идеям Ч. С. Пирса, который, войдя в историю философии и своими исследованиями в области логики, и значительным вкладом в развитие этики, продемонстрировал возможности обогащения каждой из этих дисциплин заложенным в них концептуальным и методологическим аппаратом. Пирс первым обратил внимание на проблему значения понятия, связав его с практическими последствиями, которые из него вытекают. Значение, соотнесенное с человеческой практикой, затрагивает область человеческих оценок и сферу легитимного и запрещенного.

В очерке, посвященном творчеству В. Уэлби, Ч. С. Пирс указывал, что для нее значение, данное в наиболее полном виде, «есть общая сумма всех условных предсказаний, за которые человек, употребляющий слово, *намерен*

сделать себя ответственным или ответственность за которые он намерен отрицать. <...> Но кроме тех последствий, за которые человек, принимающий слово к употреблению, сознательно берет на себя ответственность, есть еще широкий океан непредсказуемых последствий, которые подобному принятию суждено вызвать к жизни — причем это не просто последствия для знания, но, возможно, и революции в обществе» (Пирс, 2000: 226; курсив источника. — *О. П.*).

В работе В. Уэлби «Что такое значение?» отмечает необходимость принесения теории значения, обогащенной этической составляющей, в другие научные дисциплины: «Наука о человеке должна оставаться в каком-то смысле неудачной, если только мы не сможем овладеть секретами того, что мы неопределенно называем “значение”» (Welby, 1903: 47), «...мы еще не поняли, как перевести динамику науки в интеллектуальное и моральное русло» (*ibid*: 80; пер. наш. — *О. П.*).

Этический подход к знаковым системам оказывается особенно актуальным в настоящее время. Процесс сигнификации в контексте развития новых биомедицинских технологий приобретает неожиданные последствия для человека, вторгаясь в пространство решений о его жизни и смерти, в совокупность практических последствий, затрагивающих фундаментальные антропологические константы.

ОСОБЕННОСТИ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В РОССИЙСКОЙ БИОЭТИКЕ: К ПРОБЛЕМЕ ЭТИКИ ИМЕНОВАНИЯ

В эссе «Когда на сцену приходит другой» У. Эко есть прекрасный пассаж о телесных правах «звероподобного и одинокого Адама, не ведающего, что есть сексуальное единение, радость диалога, любовь к детям, горе из-за утраты любимого человека» (Эко, 2003: 13), однако имеющего представление о своем пространственном положении, чувствующим свое тело в совершенно различных проекциях: видения, слушания, активного вторжения в среду, обладающего различными представлениями и эмоциями и страдающего от принуждения и пыток. Эко справедливо пишет, что «если бы все нам подобные уважали эти “телесные права”, история не знала бы таких явлений, как избивание младенцев, вскармливание христиан львам, Варфоломеевская ночь, сожжение еретиков, концлагеря, цензура, работа детей в шахте, массовые изнасилования в Боснии» (там же: 13–14).

Подход, артикулирующий проблему телесных прав человека, на который опирается У. Эко, связан с поиском «семантических универсалий», общих для всего человечества, для всех культур элементарных понятий (там же: 11–12). Они конституированы восприятием собственного тела, осознанием его

положения в пространстве, его боли и чувствительности, диапазона его реакций на множество внешних факторов.

Концептуальный и методологический каркас современной биоэтики выстроен на основании учета слабо артикулированных другими научными дисциплинами «телесных прав», в то же время, как ни парадоксально, применение семиотической методологии в современной биоэтике — достаточно редкое явление. Как правило, российские исследователи в области биоэтики используют общий философский анализ, активно применяют принципализм Т. Бичампа и Дж. Чилдресса (Beauchamp, Childress, 1994), а также кейс-стади. Однако семиотический подход оказался явлением, сравнительно мало распространенным в дискурсе западной биоэтики и фактически неразработанным российскими биоэтиками. В то же время отмечается потенциал его применения для оценки антропологических последствий сценариев нелинейной динамики социокультурных систем, в частности, выдвигаемых и не поддающихся гуманитарному измерению утопических проектов (Мелик-Гайказян, 2018: 93–95).

Семиотический подход оказывается востребованным при обсуждении отдельных проблем современной биоэтики и в тех или иных вариациях присутствует в исследованиях различных проблем философской версии российской биоэтики, правда, как правило, имплицитно. Например, его неявно используют ведущие российские специалисты в области биоэтики.

Языковые игры с именовани­ем и манипулированием знаками, направленные на реализацию тех или иных прагматических замыслов, например, проведение успешного биомедицинского эксперимента, становятся предметом особой озабоченности российских биоэтиков.

Так, Б. Г. Юдин исследует процесс именован­ия людей-испытуемых в биомедицинских исследованиях во время Второй мировой войны в отряде «731» Квантунской армии японских вооруженных сил. Он указывает на применение так называемых «марута-технологий» (от яп. «марута» — «бревно»), т. е. на целенаправленное использование слова «бревно» по отношению к живым людям при проведении медицинских экспериментов. Данная технология рассматривается как процесс постепенного абстрагирования от человеческого в человеке, в результате которого исследователь приближает испытуемого как носителя определенного имени, личностных характеристик, физических качеств и т. д. к состоянию объекта, с которым ему проще иметь дело как ученому: «...человек вообще и человек-как-испытуемый — это далеко не одно и то же» (Юдин, 2014: 41).

Неартикулированное использование семиотической методологии также характерно для творчества П. Д. Тищенко при анализе нарративных жизненных апорий (Тищенко, 2011), осмысления процесса именован­ия человека на

гранях жизни и смерти. В работе «Био-власть в эпоху биотехнологий» философ рассматривает процесс присвоения имени «человек» на различных этапах онтогенеза и показывает, как осуществляется наделение человеческого существа правом на жизнь и отказ в даре существования (посредством отзыва имени). Так, «присвоение плоду на определенной стадии “до-”, “внутри-” или “вне-утробного” развития имени “человек” превращает его в “личность”, обладающую “правом на жизнь”. Отказ в даре — удерживает то же самое существо в онтологическом статусе “вещи” — “части” женского тела, которую можно в любой момент аборттировать и превратить, к примеру, в сырье прибыльной “фетотерапии”, предмет биомедицинского исследования или попросту выбросить на специализированную свалку...» (Тищенко, 2001: 7).

Приведенные выше примеры демонстрируют особый интерес российских биоэтиков к проблеме именования и, в целом, к проблематике, которая связана с исследованием лингвистического модуса конструирования человека (Попова, 2017).

Таким образом, в современной биоэтике огромное значение приобретает исследование телесности как семантического объекта, который связан с различными культурно-историческими коннотациями, предписывающими телу определенные значения и формирующими широкий семантический потенциал данного понятия, сопряженный также с полисемантичностью таких вечных категорий, как жизнь и смерть. Отчетливо данная проблема артикулируется при анализе современного дискурса о смерти мозга. В целом, дискурс о смерти мозга очень неоднородный, а пациенту с диагнозом смерти мозга в различных контекстах присваиваются различные имена, такие как:

1. артефакт технологической поддержки (Pellegrino, 2009: Электронный ресурс);
2. артефакт ИВЛ (*ibid*);
3. овощ, растение¹;
4. неоморт (Курцмен, Гордон, 1987; Агамбен, 2012);
5. источник органов²;
6. существо, форма жизни, созданная медицинскими технологиями (Lizza, 2005);
7. интегративное единство телесности (Shewmon, 2001);
8. личность (*ibid*).

Наличие различных имен косвенно свидетельствует об отсутствии фиксированного значения у таких категорий, как жизнь и смерть, в современном биомедицинском знании. Само понятие «человек» является многозначным.

¹ Дискурсы о пациентах, пребывающих в вегетативном статусе.

² Дискурсы о трансплантации органов и тканей человека.

Оно оказывается изменчивым знаком, за который вступают в борьбу различные дискурсы: как медицинские (например, трансплантологический или неврологический), так и религиозно- и этико-философские. Ряд дискурсов о смерти мозга описывает человека в рамках персональной грамматики (т. е. пациент с таким диагнозом рассматривается как личность), ряд — как биомашину, функционирующую благодаря ИВЛ.

С различными описаниями пациента напрямую связана биомедицинская прагматика действий. Очевидно, что описание, где пациента со смертью мозга называют личностью, формирует другие формы обращения с его телом и конструирует совершенно другую клиническую реальность, чем те описания, в которых он фигурирует с именем «биомашина» или «набор органов». Например, называя пациента с диагнозом смерти мозга «артефактом технологической поддержки», «овоцем», «растением», в духе инструментальной рациональности можно реализовывать прагматическую цель использования органов для улучшения состояния здоровья нуждающихся. При переходе в рассуждениях о человеке от персональной «грамматики» к грамматике «вещи», «артефакта» и т. д., дискурсивное пространство может использоваться как инструмент легитимации каких-либо действий по отношению к человеческому существу.

Ученому, получающему инновационные результаты, необходима строгая обоснованность знания. В контексте характерного для современного времени этоса науки данная обоснованность должна носить также и свой этический коррелят. Полученное знание должно быть признано научным сообществом. Легитимизация предполагает фильтрацию через целую совокупность нормативных принципов. Приращение научного знания, таким образом, оказывается возможным благодаря действия закона достаточного этического основания. Без него научные результаты оказываются сомнительными с этической точки зрения и не воспринимаются научным сообществом, блокируются уже на стадии обнародования. В современную эпоху, где особое значение приобретает аксиологическая составляющая науки, обоснование знания логическим и эмпирическим путем выглядит недостаточным.

Закон достаточного этического основания в конкретной ситуации научного факта и появления ценностного напряжения фактически выступает в качестве закона достаточного основания действия. Манипуляция с эмбрионами также отталкивается не только от фактической данности (эмбрион), но и от того обстоятельства, что легитимность манипуляции (т. е. достаточное основание действия ученого) обеспечивается существующим научным консенсусом, в рамках которого оговариваются рамки инструментального манипулятивного вмешательства. Они задают нормативный план, этическое основание научной активности.

Как отмечает А. А. Ивин, «слова “хороший”, “плохой”, “лучший”, “худший” и т. п., выполняющие функцию замещения, характеризуют отношение оцениваемых вещей к определенным *образцам* или *стандартам*. В этих складывающихся стихийно стандартах указываются совокупности эмпирических свойств, которые, как считается, должны быть присущи вещам» (Ивин, 2016: 39; курсив источника. — *О. П.*).

Появление в контексте развития биологии объектов человеческого происхождения, полученных искусственным путем, которые могут стать материалом для неограниченного манипулятивного вмешательства, всегда сопряжено с расплывчатостью этических стандартов. Появляются новые виды сущности, которые, имея отношение к человеческому существу, тем не менее лишены (как правило, интенционально) ряда человеческих качеств, которые позволили бы их исключить из зоны манипулятивных рисков.

В это связи хотелось бы рассмотреть очень показательный пример, связанный с использованием в научных лабораториях методики измененного переноса ядра (*altered nuclear transfer* — ANT). Данная методика рассматривалась в качестве метода, позволяющего получить плюрипотентные стволовые клетки, но при этом не приводящего к разрушению эмбрионов человека. Речь шла о таком изменении ядра соматической клетки и / или цитоплазмы энуклеированного ооцита, чтобы их слияние не приводило к образованию зиготы. Т. е. речь шла об отсутствии у данного эмбриона характеристики, позволяющей считаться человеческим эмбрионом, но тем не менее способного производить плюрипотентные стволовые клетки.

Сама методика вызвала противоречивую оценку, связанную, прежде всего, с этической составляющей данной практики. Так, резко отрицательную позицию по отношению к данной практике занял немецкий философ М. Бек. Он обратил внимание на сомнительную с этической точки зрения интенциональность ученых, которые в процессе использования метода ANT манипулируют с ядром клетки и вмешиваются в природные процессы таким образом, что полученный эмбрион лишается потенции развития во взрослого человека. Бек назвал этот акт «техне» в аристотелевском смысле, поскольку за подобной практикой стоит прежде всего техническое мастерство (умение) исследователя, которое обеспечивает саму возможность появления таких нежизнеспособных, но тем не менее научно востребованных эмбрионов (Beck, 2009: 274).

Аналогичных практик в современной науке достаточно много. Можно не только лишить эмбриона способности прикрепляться к матке, но и осуществить еще какой-нибудь манипулятивный акт, который привел бы к лишению эмбриона сущностных характеристик, позволяющих идентифицировать его именно в качестве обычного (а значит, защищенного этико-правовым полем) эмбриона. Например, может идти речь о таком вмешательстве в спермато-

зоиды или яйцеклетки, которое позволит резко сократить жизнь эмбриона и заставить рассматривать его исключительно как объект для исследовательских манипуляций.

Казус ANT открывает феномен обыгрывания моральных стандартов в новой ситуации научного знания, которое формально обеспечивается соблюдением научных норм и этики научного сообщества, но фактически имеет дело с таким прецедентом инструментальной рациональности, который заставляет проблематизировать и пересматривать принятые этические нормы.

Парадоксальная ситуация моральных игр в усложняющейся биотехнологической реальности на примере метода ANT была прекрасно раскрыта исследователями Х. Новотны и Дж. Теста: «Открытия и изобретения, сделанные в лабораториях, таким образом, все чаще оказываются в положении, когда они заключают в себе двойной сертификат происхождения — научный и моральный. <...> Заведенные в тупик моральные или религиозные взгляды на ценность человеческой жизни и на определение ее начала продиктовало создание биотехнологического артефакта — “человеческого творения в человеческих целях”... Биотехнологическое существо возникло с тем предназначением, чтобы осуществлять медиацию между религиозными убеждениями и давлением на научные и технологические инновации. Когда дело дошло до вопроса, какой ген должен быть деактивирован, чтобы сделать этот биологический артефакт непроблематичным для всех сторон, примат политики над наукой не мог подвергаться сомнению» (Nowotny, Testa, 2010: 96–97; пер. наш. — О. П.).

Вызвав подозрения в недостоверности у многих представителей научного сообщества, метод ANT потребовал нового биотехнологического сопровождения с целью преодоления сомнений в ее действенности. Для этого маленькую молекулу РНК, влияющую на процесс деактивации гена, отвечающего за формирование плаценты, помечали светящимся флуоресцентным белком (GFP). Чем ярче и зеленее была клетка, тем больше молекул РНК с ингибирующим эффектом она производила. Как правильно подметили Х. Новотны и Дж. Теста, «за двадцатилетнюю карьеру зеленого флуоресцентного белка (GFP), который используется во всех лабораториях по всему миру для изучения функции генов и белков, это первый случай, когда мощность его свечения указывает, косвенно, но все более интенсивно — на нравственную ценность. Стандартное измерение в лаборатории — свечение зеленого сигнала — поднято на уровень нравственной ценности, и наоборот» (ibid: 98). Технологическому вмешательству в природный процесс предшествовало лингвистическое вмешательство, наделение эмбриона характеристиками, связанными не столько с человеческими, сколько с недочеловеческими характеристиками.

Х. Новотны и Дж. Теста обратили внимание на позицию нейробиолога М. Гэзэнига, который отметил в связи с методикой «переноса измененного

ядра», что мы обычно выдумываем слово, чтобы описать биологическое явление, но здесь мы, казалось, переделали биологическое явление, чтобы заставить его соответствовать значению слова (ibid: 96). Действительно, созданный эмбрион должен соответствовать заданным учеными параметрам инструментализируемого объекта, сущности с элиминированной нравственной ценностью, которую можно было бы условно назвать «недочеловеком». Но также немаловажно и то, что новая созданная биологическая сущность формально соответствовала и принятому социальному нормированию. Таким образом, эмбрион с деактивированными генами, являющийся биотехнологическим артефактом, полученным в лаборатории, в глазах ученых рассматривался как артефакт, соответствующий имени «нечеловек-недочеловек», и, как следствие, вещь с заданными свойствами, лишенная собственной моральной ценности. Это поэтапное лишение моральной ценности имеет тесную связь с латентным присутствием лингвистического модуса биотехнологического конструирования. Выше уже подчеркивалось, что «человек вообще и человек-как-испытуемый — это далеко не одно и то же» (Юдин, 2014: 41).

Рассмотренный случай применения метода АНТ показал, что и эмбрион-как-испытуемый и эмбрион вообще — это также разные явления, с каждым из которых сопряжена определенная прагматика действий, пространство манипулирования и безопасности.

В целом, рассмотренный нами случай с модифицированными эмбрионами особым образом проблематизирует телесность человека. Тело предстает как инструментализируемый объект, которым можно успешно манипулировать с теми или иными целями, прежде всего направленными на восстановление здоровья пациента, но в то же время и в экспериментальных целях также (при соответствии принятым социальным нормам).

С другой стороны, тело — это объект, который успешно входит в сеть с другими объектами, прагматическими задачами и интересами различных стейкхолдеров. Становясь объектом клинической реальности, тело в эпоху развитого биокапитализма становится полем притяжения интересов бизнеса и политики, требует взгляда этика и публичных обсуждений.

Смена ракурса видения порождает новые образы тела и новые способы оценки клинической реальности. Заинтересованный и неангажированный взгляд исследователя может и дарить, и изымать дары (не)существования. При этом наблюдаются особые лингвистические игры, связанные с тем, какими именами мы наделяем находящееся в той или иной клинической реальности человеческое существо и какие клинические практики по отношению к нему мы можем допускать. В состоянии недоопределившегося онтологического статуса человеческое существо всегда становится манипулируемым объектом. Как справедливо замечает А. Мол: «Труп с хрустящими артериями не меньше,

чем целый пациент. Это не ингредиент, из которого состоят люди (добавь чуточку жизни и — человек готов). Нет, здесь мы имеем дело с двумя существами. Из одного извлекают, чтобы разрезать, органы. Другое существо наделяется человеческим достоинством и с ним обращаются уважительно. Его даже защищают от зрелища собственного вскрытия. Его личность, заключенная в лице, находится вне постоянного поля зрения патологоанатома» (Мол, 2015: 240). Аналогично обстоит дело и в начальной стадии человеческого существования, где также существует онтологическая неопределенность и этическая амбивалентность, не гарантирующая защиту человеческого существа. Грани жизни и смерти, полнота и неполноценность существования предстают зыбкими, сформированными исключительно под запрос конкретных медицинских и исследовательских задач.

*ОТ МОРАЛЬНОГО КОДЕКСА ЧИТАТЕЛЯ К
ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТИКИ ЧИСТОГО ЛИСТА*

Многоликость человека связана с огромным количеством его имен. Каждое имя несет в себе определенные оценочные маркеры, позволяющие осуществлять различную прагматику действий: стандартизировать человека, нормировать его существование, но также и уничтожать человеческое в человеке, придавать ему нечеловеческие или сверхчеловеческие характеристики. Условность имени «человек», понятная в контексте истории всего человечества, сталкивается в то же время с устойчивостью представлений о человеке, развивающихся в контексте конкретной исторической и социокультурной ситуации.

Зачастую лишение человека человеческого достоинства, нарушение его прав происходит на фоне предварительного понимания коннотаций, связанных с именем «человек». Этика отношения к человеку зависит от семантических ассоциаций, возникающих в связи с именем «человек», и характерных для того или иного общественного уклада стратегий его истолкования. Концепт «человек» не является семантически устойчивым, это подвижная реальность с зыбкими границами. Артикуляция различных аспектов сущности человеческого бытия в дискурсивном пространстве зачастую приводит к смещению и формированию новых антропологических границ, где человеческое оказывается заложником трансцендентного, машинного, искусственного или биологического существования, представленного в тех или иных редукционистских формах. «Пропускные пункты» в область «истинно человеческого» всегда исторически конкретны и легитимны лишь для определенных темпоральных условий. Истинно человеческое оказывается не менее утопично, чем истинно сверхчеловеческое, но оно всегда построено на элиминации недочеловеческого. К последнему могут быть отнесены совершенно различные характеристики: недостаточная способность к коммуникации, пониженные

когнитивные способности, несоответствие телесным канонам или нормам здоровья и т. д. Горизонт недочеловеческого может быть предельно широк.

В то же время жестокий опыт обращения с природой человека, породивший множество прецедентов оскорбительного обращения с человеческим существом, делает закономерным вопрос о формировании модели этики, в основании которой лежала бы защита соматических оснований бытия человека, защита его телесных прав. Речь идет об этике человека как чистого листа. Под нею прежде всего подразумевается такой аспект понимания человека, который закрепляет за ним право не приписывать ему определенные характеристики, не рассматривать его в контексте предложенных культурой схем (текстов) понимания человека и константных антропологических характеристик, например, таких, как разум, способность к коммуникации, дееспособность, автономия, открытость миру и т. д. и т. п.

Любой вид толковательной стратегии характеризуется повышенными рисками забвения человека как целостности. Человеческое бытие контекстуально всегда оказывается пленником мира абстракций, задающий идеальную норму человеческого. В условиях рыночной экономики зачастую речь идет о такой норме человеческого, которая включает определенные качества, соответствующие ее прагматическим требованиям: быть успешным, умным, сильным, социально эффективным. Т. е. конкурентоспособным человеческим капиталом.

В процессе истолкования человеческого существования особым образом проблематизируются локусы человеческой ответственности. Процесс чтения никогда не бывает этически нейтральным. Логика взаимодействия с текстом всегда сопряжена с фундаментальной осторожностью читателя: не внести в текст агрессию интерпретации, не нарушить исходную целостность сотворенного. В этой связи «чтение» человека как текста также должно быть основано на бережном обращении и даже определенном пиетете. Сам объект чтения здесь неповторим, уязвим и загадочен. Процесс взаимодействия с текстом может протекать в совершенно различных режимах, отличающихся различием в интенсивности чтения. Воспользуемся идеями К. Дж. Ванхузера (Ванхузер, 2007), рассмотревшего различные варианты чтения, сфокусировавшись на связанных с ними этических коннотациях. Так, пассивное чтение предполагает чрезмерное упрощение текста, это вид чтения с недостаточным откликом в душе читателя. Современные редуционистские стратегии толкования человеческого существования и отождествления человеческой сущности с какими-то локальными характеристиками (нейронами, генами, информацией и т. д.) всегда подразумевают отсечение от человека полноты его бытия, заполнения лакун сущности каким-то одним свойством, которое на том или ином этапе человеческого развития кажется наиболее существенным. Пассивное чтение

тесно связано с такими видами, как реакционное и гиперактивное чтение. Здесь текст становится площадкой для реализации биополитических амбиций и различных идеологических интересов, прикрытых этическими понятиями и категориями. Гиперактивное чтение тесно связано с процессом абсолютизации частностей, порождающим реакционный поток ассоциаций. Характерным примером проявления этого может послужить формирование нейро- и геноредукционистских подходов к человеку. «Генетическое» прочтение человека в этом случае становится евгеническим, а нейроредукционизм приводит к описанию человека как мыслящей машины, операции которой выполняются благодаря нейронным связям и могут обеспечить эффективную работу с помощью различных нейростимуляторов. И генетический редукционизм, и нейроредукционизм представляют собой виды биологического редукционизма, в котором сложность такой высокоорганизованной системы, как человек, способна объясняться, «читаться» на очень примитивном уровне (вспомним, например, о расистских теориях наследственности). В то же время такие нейронные или генетические микроуровни способны неожиданно наделяться характеристиками, которые изначально приписывались сложному человеческому поведению (см. подробнее: Попова, 2013: 126–128). Возникают новые научные и псевдонаучные мифические миры, где жизнь человека выглядит плацдармом для разворачивания неизвестных траекторий действия нейронов и генов. «Религиозные нейроны» и «эгоистичные гены», отредактированный и улучшенный мир, предлагаемый учеными, втягивают человека в активные «читательские» бои за фиксированное значение его собственных границ и понимание собственной идентичности на основе приемлемых для самого человека сущностных характеристик. В этой связи особое значение приобретает выделенный К. Дж. Ванхузером активный вид чтения (Ванхузер, 2007: 595–596). Он подразумевает, с одной стороны, активную роль читателя в процессе понимания и интерпретации текста, но, с другой, осознание им полной ответственности за эти процессы в попытках услышать голос автора (Бога, природы) и постичь суть сотворенного, не сводя ее к существованию одного определяющего качества. Тогда человек становится живым текстом, данным для прочтения Другому, но не искаженным его восприятием и инструментальным обращением с объектом чтения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Продумывание проблем семантики и особые «языковые игры» в этике способны стать основанием не только для формирования вдумчивого подхода к процессу сигнификации. Также необходимо помнить о том, что семиотический подход может в равной степени использоваться для осуществления стратегии исправления имен, редуцирования и, в конечном итоге, уничтожения

имени «человек», порождая новые техногенные формы человеческой идентичности, подобные описанным выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агамбен, Дж. (2012) *Nomo sacer*. Что остается после Освенцима: архив и свидетель / пер. с итал. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова. М. : Европа. 192 с.

Ванхузер, К. Дж. (2007) *Искусство понимания текста*. Литературоведческая этика и толкование Писания / пер. с англ. Черкассы : Коллоквиум. 736 с.

Ивин, А. А. (2016) *Логика оценок и норм*. Философские, методологические и прикладные аспекты. М. : Проспект. 320 с.

Курцмен, Дж., Гордон, Ф. (1987) *Да сгинет смерть! Победа над старением и продление человеческой жизни* : пер. с англ. М. Н. Ковалевой / под ред. и с предисл. Б. Ф. Ванюшина. 2-е изд., стереотип. М. : Мир. 223 с.

Мелик-Гайказян, И. В. (2018) *Пересечение биоэтики и синергетики: обходной маневр нерешенной проблемы измерения в гуманитарных исследованиях // Конвергенция технологий и дивергенция будущего человека: рабочие тетради по биоэтике 2018: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко*. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 180 с. С. 81–95.

Мол, А. (2015) *Множественное тело // Социология власти*. Т. 27. № 1. С. 232–247.

Пирс, Ч. С. (2000) *Леди Уэлби. Что такое значение? // Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева*. М. : Логос. 448 с. С. 223–233.

Попова, О. В. (2013) *Человек как текст и этика читателя: биополитический контекст // Биоэтика и гуманитарная экспертиза*. Вып. 7 / отв. ред. Ф. Г. Майленова. М. : ИФ РАН. 245 с. С. 123–146.

Попова, О. В. (2017) *Конструирование «человека-как-испытуемого» // Биоэтика*. № 2 (20). С. 17–21.

Тищенко, П. Д. (2001) *Био-власть в эпоху биотехнологий*. М. : ИФ РАН. 177 с.

Тищенко, П. Д. (2011) *На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики*. СПб. : Изд. дом «Мирь». 328 с.

Эко, У. (2003) *Пять эссе на темы этики / пер. с итал. Е. А. Костюкович*. СПб. : Симпозиум. 158 с.

Юдин, Б. Г. (2014) *Научное познание человека и ценности // Знание. Понимание. Умение*. № 1. С. 35–49.

Beauchamp, T. L., Childress, J. F. (1994) *Principles of biomedical ethics*. 4th edn. N. Y. ; Oxford : Oxford University Press. x, 546 p.

Beck, M. (2009) *Mensch-Tier-Wesen: Zur ethischen Problematik von Hybriden, Chimären, Parthenoten*. Paderborn ; München : Ferdinand Schoeningh. 342 S.

Lizza, J. P. (2005) Potentiality, irreversibility, and death // *The Journal of Medicine and Philosophy*. Vol. 30. Issue 1. P. 45–64. DOI: [10.1080/03605310590907057](https://doi.org/10.1080/03605310590907057)

Nowotny, H., Testa, G. (2010) *Naked genes: Reinventing the human in the molecular age*. Cambridge, MA ; L. : MIT Press. viii, 144 p.

Pellegrino, E. D. (2009) Controversies in the determination of death (Personal statement of Edmund D. Pellegrino, M.D.) [Электронный ресурс] // The President's Council on Bioethics. Washington, D.C. URL: https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/reports/death/pellegrino_statement.html [архивировано в [WaybackMachine](https://www.webcitation.org/201906101006219)] (дата обращения: 10.06.2019).

Shewmon, D. A. (2001) The brain and somatic integration: Insights into the standard biological rationale for equating “brain death” with death // *The Journal of Medicine and Philosophy*. Vol. 26. Issue 5. P. 457–478. DOI: [10.1076/jmep.26.5.457.3000](https://doi.org/10.1076/jmep.26.5.457.3000)

Welby, V. (1903) *What is meaning? Studies in the development of significance*. L. : Macmillan and Co ; N. Y. : The Macmillan Company. xxxi, 321 p.

Дата поступления: 20.07.2019 г.

REFERENCES

Agamben, G. (2012) *Homo sacer. Chto ostaetsia posle Osventsima: arkhiv i svidetel' [Homo sacer. Quel che resta di Auschwitz: L'archivio e il testimone / Homo sacer. Remnants of Auschwitz: The witness and the archive]* / transl. from Italian by I. Levina and O. Dubitskaia, P. Sokolov. Moscow : Evropa Publ. 192 p. (In Russ.).

Vanhoozer, K. J. (2007) *Iskusstvo ponimaniia teksta. Literaturovedcheskaia etika i tolkovanie Pisaniia [Is there a meaning in this text? The Bible, the reader, and the morality of literary knowledge]* / transl. from English. Cherkassy : Kollokvium Publ. 736 p. (In Russ.).

Ivin, A. A. (2016) *Logika otsenok i norm. Filosofskie, metodologicheskie i prikladnye aspekty [Logic of assessments and norms. Philosophical, methodological and applied aspects]*. Moscow : Prospekt Publ. 320 p. (In Russ.).

Kurtzman, J., Gordon, P. (1987) *Da sginet smert'! Pobeda nad stareniiem i prodlenie chelovecheskoi zhizni [No more dying: The conquest of aging and the extension of human life]* : transl. from English by M. N. Kovaleva / ed. and foreword by B. F. Vaniushin. 2nd edn., stereotype. Moscow : Mir Publ. 223 p. (In Russ.).

Melik-Gaykazyan, I. V. (2018) *Peresechenie bioetiki i sinergetiki: obkhodnoi manevr nereshennoi problemy izmereniia v gumanitarnykh issledovaniakh [Intersection of bioethics and synergetics: workaround of unsolved measurement problem*

in human studies]. In: *Konvergentsiia tekhnologii i divergentsiia budushchego cheloveka: rabochie tetradi po bioetike 2018 [Convergence of technologies and divergence of the human future: Workbooks on bioethics 2018]* : A collection of articles / ed. by P. D. Tishchenko. Moscow : Moscow University for the Humanities Publ. 180 p. Pp. 81–95. (In Russ.).

Mol, A. (2015) Mnozhestvennoe telo [The body multiple]. *Sotsiologiya vlasti*, vol. 27, no. 1, pp. 232–247. (In Russ.).

Peirce, C. S. (2000) Ledi Uelbi. Chto takoe znachenie? [Lady Welby. What is meaning?]. In: Peirce, C. S. *Izbrannye filosofskie proizvedeniia [Selected philosophical works]* / transl. from English by K. Golubovich, K. Chukhrukidze and T. Dmitriev. Moscow : Logos Publ. 448 p. Pp. 223–233. (In Russ.).

Popova, O. V. (2013) Chelovek kak tekst i etika chitatelia: biopoliticheskii kontekst [Human being as a text and ethics of the reader]. In: *Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza [Bioethics and humanitarian expertise]*, issue 7 / ed. by F. G. Mailenova. Moscow : Institute of Philosophy, RAS. 245 p. Pp. 123–146. (In Russ.).

Popova, O. V. (2017) Konstruirovaniye «cheloveka-kak-ispytuemogo» [Design of “human as test subject”]. *Bioetika*, no. 2 (20), pp. 17–21. (In Russ.).

Tishchenko, P. D. (2001) *Bio-vlast' v epokhu biotekhnologii [Bio-power in the age of biotechnologies]*. Moscow : Institute of Philosophy, RAS. 177 p. (In Russ.).

Tishchenko, P. D. (2011) *Na graniakh zhizni i smerti: filosofskie issledovaniia osnovanii bioetiki [On the verges of life and death: Philosophical research into the foundations of bioethics]*. St. Petersburg : Mir" Publ. House. 328 p. (In Russ.).

Eco, U. (2003) *Piat' esse na temy etiki [Cinque scritti morali / Five moral pieces]* / transl. from Italian by E. A. Kostukovich. St. Petersburg : Simpozium Publ. 158 p. (In Russ.).

Yudin, B. G. (2014) Nauchnoe poznanie cheloveka i tsennosti [[Scientific cognition of human being and values](#)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 35–49. (In Russ.).

Beauchamp, T. L. and Childress, J. F. (1994) *Principles of biomedical ethics*. 4th edn. New York ; Oxford : Oxford University Press. x, 546 p.

Beck, M. (2009) *Mensch-Tier-Wesen: Zur ethischen Problematik von Hybriden, Chimären, Parthenoten*. Paderborn ; München : Ferdinand Schoeningh. 342 S. (In Germ.).

Lizza, J. P. (2005) Potentiality, irreversibility, and death. *The Journal of Medicine and Philosophy*, vol. 30, issue 1, pp. 45–64. DOI: [10.1080/03605310590907057](https://doi.org/10.1080/03605310590907057)

Nowotny, H. and Testa, G. (2010) *Naked genes: Reinventing the human in the molecular age*. Cambridge, MA ; L. : MIT Press. viii, 144 p.

Pellegrino, E. D. (2009) Controversies in the determination of death (Personal statement of Edmund D. Pellegrino, M.D.). *The President's Council on Bioethics*.

Washington, D.C. [online] Available at: https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/reports/death/pellegrino_statement.html [archived in [WaybackMachine](#)] (accessed 10.06.2019).

Shewmon, D. A. (2001) The brain and somatic integration: Insights into the standard biological rationale for equating “brain death” with death. *The Journal of Medicine and Philosophy*, vol. 26, issue 5, pp. 457–478. DOI: [10.1076/jmep.26.5.457.3000](https://doi.org/10.1076/jmep.26.5.457.3000)

Welby, V. (1903) *What is meaning? Studies in the development of significance*. London : Macmillan and Co ; New York : The Macmillan Company. xxxi, 321 p.

Submission date: 20.07.2019.

Попова Ольга Владимировна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-91-09. Эл. адрес: J-9101980@yandex.ru

Popova Olga Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Head of Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg. 1, Goncharnaya St., 12, 109240 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 697-91-09. E-mail: J-9101980@yandex.ru

ResearcherID: [U-9759-2017](https://orcid.org/0000-0002-3825-7544)

ORCID: [0000-0002-3825-7544](https://orcid.org/0000-0002-3825-7544)

SPIN-код РИНЦ: [4085-4783](https://orcid.org/0000-0002-3825-7544)

Для цитирования:

Попова О. В. Семиотический подход в биоэтике: от морального кодекса читателя к этике чистого листа [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 4. С. 18–34. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1058> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: [10.17805/ggz.2019.4.2](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.4.2)